

Лета Югай
Забыть-река

Лета Югай

Забыть-река

Москва

«Воймега»

2015

УДК 821.161.1-1 Югай
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Ю15

Художник серии: Сергей Труханов

Л. Югай

Ю15 Забыть-река. — М.: Воймега, 2015. — 52 с.

ISBN 978-5-7640-0173-9

Лета Югай родилась и живёт в Вологде. Окончила Вологодский государственный университет и Литературный институт им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук по специальности «фольклористика». Автор нескольких книг стихов, составитель сборника текстов северорусских похоронных причитаний (Вологда, 2011). Лауреат премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2013). В книгу «Забыть-река» вошли стихи, опубликованные в журналах «Новый мир», «Звезда», «Сибирские огни», «Новая Юность» в 2012–2014 годах.

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© Л. Югай, текст, 2015

© С. Труханов, оформление, 2015

© «Воймега», 2015

Снова новая жизнь...

Не то что дни и месяцы, а целые десятилетия мелькают, как гоночные машины на треке: вжик-вжик-вжик... Казалось бы, быстрее уже некуда, оказывается, есть куда... Да ещё новости — одни других гаже. А ты откликайся! Реагируй! Ты ж не обыватель! Причём мгновенно реагируй! Порой так и хочется выкрикнуть что-нибудь вроде: «Подите прочь — какое дело поэту мирному до вас!» — но что-то мешает. И как-то незаметно-незаметно — а потом слишком заметно! — всё, включая «культуру», съезжает в публицистику. А если не всё, так почти всё, а то, что остаётся, настолько не имеет ни к чему отношения, настолько «мимо», что тоже хоть караул кричи. В конце концов, мы ведь не только зрители небезызвестной битвы, не прекращающейся в наших сердцах (помните цитату?), но и её участники. Главная удача Леты Югай, на мой взгляд, в том, что она смогла занять удивительно точную позицию в этих соревнованиях по метафизическим смешанным единоборствам.

Я не могу выстроить замок, начиная с южной стены:
Станет тепло, потянутся косяком перелётные сны.
Летовать, где тебе не рады, — скверный маршрут.
Увидев преграду, они свернут.

А на севере, откуда родом четверть моей души,
На цветах особые мыши пересвистываются в тиши.
У них горлышки соловьёв, у них крылышки на спине.
Их и так-то почти не слышно, а через стену — и вовсе не.

Это, так сказать, личная история. А вот история общая:

Вот появляются ихние, их тьмы и тьмы.
На них печать вековой зимы,
Лиловая шерсть дыбом встаёт на холке,
Их глаза сужаются в щёлки,
Над головами встают думы.

Но у наших тоже есть крылья, ноги, хвосты,
Их тела прекрасны, слова просты, души чисты,
Под сердцем звенит колокольчик из неземного металла.
И, когда исход сраженья решён, когда всё пропало,
Они могут атаковать с высоты.

Помогли ли и насколько помогли Лете Югай в умении концентрироваться, защищаться и атаковать её занятия фольклором? Наверное, помогли. Но, подозреваю, что ещё больше помогли ей открытость и внимательность к миру и собеседнику, без которых никакие «этнографические интервью» не переплавились бы в стиховые сюжеты. Ну и, конечно, особый поэтический дар, превративший эти рассказы (часто от первого лица) не просто в стихи — в конце концов, рифмовать многие умеют, — а в настоящее искусство.

Впрочем, книга Югай — это совсем не только опозитизированный фольклор. Там есть другой раздел и совсем другие стихи. Например, стихотворение, написанное на смерть собаки. Смерть кошек, собак и других «наших меньших» братьев и сестёр — особая тема, разработанная замечательными поэтами. Мне, конечно, сразу же пришло на память ходасевичевское «На смерть кота Мурра». Должен сказать, что Лета не проигрывает. Приведу концовку:

Слева машины спят, уткнувшись носом в бордюр,
Так засыпали щенки её в ряд, уткнувшись в тёплый живот.
Похоронили её в июне, и в мире начался сюр:
В нём ремонт мироздания, в нём никто не живёт.

Я уверен, что для всех прочитавших книгу Леты Югай глагол «летовать» будет значить теперь не только то, что про него написано в словаре Даля, но и что-то ещё — спасибо Лете!

Дмитрий Веденягин

Записки
странствующего
фольклориста

Росписи

Красное, ржавое, выцветшее, льняное...
Чувствуешь, поворачивается колесо?
Вечер — огромный зверь — обедает мною.
Страх темноты становится невесом.

С прялок, с домов с нарисованными часами,
С досок икон неуклюже спрыгивают впотьмах
Львы лупоглазые с вытянутыми носами,
С куцыми чёлками, с розами на хвостах.

На позвонке кита, выброшенном приливом,
Старом, огромном, словно дуб вековой,
Иконописец по кости вывел святых и диво,
Чудо морское с кудрявою головой.

Рядом с Ионой смотрит глазом цветочным
На корабли, в страхе жмущиеся к скале.
Восстановить по косточке позвоночной
Образ чудовищ, не виданных на земле,

И приручить, увить резными кустами
Южного зверя на северной полосе...
Вечный покой, кто может его представить?
Кто видел льва в наших широтах? А всё же малюют все.

Волки

Той зимой у меня заболела нога.
Прописали уколы, ходила в медпунхт два раза в неделю.
Семь километров лесом. В феврале такая пурга...
Слышу как-то — звенят бубенцы. Поприслушалась — в самом деле.
Не успела подумать, проносится передо мной
Волчья стая, один-то волк белый-белый,
Рядом чёрный. Последний бежит хромой.
И взглянул не по-волчьи, с тоской такой, странное дело!
А в медпунхте Фаина мне говорит: был случай нечист,
Прошлым летом в Остахово пропал свадебный поезд.
И хромой там был — Танюшкин внук, гармонист.
...А нога-то? Прошла, больше не беспокоит.

Быличка

Александру Переверзину

У нас сейчас в Яхреньге русалок нет.
Русалки-ти в больших реках, в Сухоне все.
Вот, говорили, деда моего дед
Поймал такую рыбину в сеть.
Хотят они делать пирог ли что,
Лежит она в сениях ли где.
Вдруг бабы в крик: «Что взял в воде,
Отнеси назад, пропадём а то!»
Дед пошёл проверить — открывает рот:
«Положи, где взял» — говорит рыба-та!
Отпустил, где река выходит на поворот,
Было глубже тогда, совсем глубота...

...А над всей деревнею ночь бела,
Рассыпаются птицы, велик и мал.
А под берегом всплеск — то ли ком упал,
То ли Рыба из Сухоны заплыла.

Горюшица

1

Думала: «Господи, поштё он умер?
Штё бы показался, штё бы пришёл».
Дума-то дурная, молодая ещё,
Много силы в этакой думе.

Вот я иду на погост, а там
Гроб качается у церковной крыши,
Поднимается выше, к самым крестам.
Но спустился, милый из гроба вышел.

«Коля, — зареву, — пойдём домой!» — «А пойдём,
Только отпрошусь у нацальника одного».
Вот мы заходим в казённый дом.
Двери, коридоры — и никого.

Двери, коридоры и кабинет.
Там мужик — красивый, рубаха белая.
«Штё, — реву, — ну как? Отпустили, нет?
Как я без тебя? Штё теперь мне делать?»

«Не реви, — говорит он, — бежим скорей».
Побежали мы через лес и поле,
Крепко руки сжав до самых дверей,
Вот уж дом, порог — глянь, а нету Коли.

Просыпаюсь я. Свекровь смотрит строго,
На дворе уж рассвет, пора начинать дела.
«Матушка, — говорю, — ведь Колю вела-вела,
На крылечке он, да не перейти порога».

2

Слышу в первую ночь: ходит он по избе.
Я прижала к груди младшего паренёчка.
Походил, ушёл. Я молчу, при себе
Свою думу держу, свою смутную ночку.

На вторую пришёл, полом скрипит,
Да уж стал задевать меня, гладить стал со спины,
Обхватила сына. Свекровь с ребятами спит,
Да блестит подоконник в свете мёртвой луны.

В третью ночку опять, и ложиться стал.
Так тихонько ложится ко мне, обниматься хочет.
Побежала к тётке я, в дом у моста:
«Ведь приходит Коля мой, уже три ночи!»

«Душегубица! — тетка как закричит. — Ксти
Двери, окна, порог. Штё надумала?! Ой, беда, беда...»
Нашептала мне: «Отпусти его, отпусти».
И уж больше не приходил. Не было никогда.

Колыбельная

Зыбка качается: раз-два, раз-два, раз.

В зыбке по морю переполохов год до земли плыть.

Мама от рук своих не отведёт глаз.

Мама прядёт нить.

Чтобы была рубашка, когда сын по земле пойдёт,

Ножками по дороге, долгой и дорогой.

Мама приходит с поля, достаёт пряслицу и прядёт,

Привязывает верёвкой зыбку к ноге. Качает ногой.

А смерть заглядывает в окно, птичьим глазом косит.

Жук в траве, видя птицу, падает на спину: сдох.

Думает: «Птичий бог, отведи, стороной пронеси!»

Знает, что мёртвый не вкусен, для птицы плох.

«Серенький, — мама напевает, — придёт волчок

И за бочок ухватит», — мама поёт про страшные про дела.

«Будешь здоровым и сильным, — думает, — но о том — молчок.

Чтоб не спугнуть твоё счастье, и так двоих не уберегла».

«Будешь жить не так, как мы, хорошо будешь жить», — а поёт о том,

Что уж скорей бы он умер — да, умер уж, взял его бес,

Что её дитяtko под ракитовым под кустом лежит под крестом.

Смерть думает: «Нечем здесь поживиться», — и улетает за тёмный лес.

Полудница

Не ходи на поле, когда солнышко высоко.
Не ходи на полдень в эту полную тишину,
Когда закипает воздух, небо как молоко,
Замолкают птицы и камнем идут ко дну.

Не качнётся колос, не пролетит паут.
Переломится время соломинкой под стопой —
И увидишь, как девушки в красных рубахах жнут
Или пляшут в поле и тянут в пляс за собой.

У них косы — горячее золото, лик пригож.
Сарафаны — красное знамя, как ни скажи.
Они ловят детей, зашедших в густую рожь,
Чтоб никогда уж не выйти из этой ржи.

Леший

Он идёт выше всех деревьев, подобен чёрной горе,
У него на руках морщины, глубокие трещины на коре,
Нереальный, как будто ландыши в январе.

У него между пальцев мох, на коленке гриб моховик,
Под лопаткой гнездятся совы, но к этому он привык,
Он несёт в руках девочку, дедушко лесовик.

Её мать в сердцах сказала: «Леший тебя неси!»
Вот она тряпичной куклой на ветках его висит,
По щекам её листья бьют, дождичек моросит.

И ей чудится: руки его становятся горячей,
Она пьёт его речи — чистый лесной ручей.
Так носил её над землёй тридцать дней и тридцать ночей.

Это вам не соседские парни, не сестрин жених балбес!
Он был ангелом, а потом падучей звездой — недаром бес.
Кто куда попадал: овинник — в овин, полудница —
в поле. А этот — в лес.

Он был ангелом, но сторел в атмосфере и почернел,
У него под кожей земля, под землёю мел.
«Знаешь, девочка, как ты мила, как личика сахар бел».

Вынес прямо к деревне. Бабы нашли, кричат:
«Похудела-то как: одни глаза да кости торчат!»
Ну а сам пошёл к лешачихе, собирая орехи для лешачат.

Наигрыш

Ходит по небу пастух, обут в глухие меха.
Самого почти не видать в тёмном небе густом.
Он улыбкой похож на нашего пастуха,
Только телом чёрен да крутит тонким хвостом.

Его рожа небесная полнее каждую ночь,
Всех коровушек ясных Звёздочками зовут,
Ну а день переждать он их уводит прочь,
Лишь светлеет небо, алеет небесный кнут.

И тогда наш Гриша идёт по земле, обутий в росу.
Принимает смену, Алёнок и Зорек выводит в свет:
Барабанку слушать и день летовать в лесу,
Лешачихам от домових передавать привет.

Закличка

1

Под руки с сёстрами или поодиночке
Ходим поглубже в лес, повыше за облака:

«Дай, Голосёна, голосу! Хоть бы строчкой
Дай докричатся до дальнего далека!
Дай, Голосёна, слова вместо обновы,
Слога на всю дорогу, слуха дай, светлый дух!»

И Голосёна выносит птенчика чуть живого:
Щебет, косточки, пух....
«На же, корми его бабочками дневными,
Будет те голос, девка, как встанет он на крыло».

С сёстрами кличем охрипши родное имя:
«Маша! Ау, ау!» В какую глушь завело....

2

А потом она в дом Кузнеца пришла:
«Хочу у тебя учиться.
Вот тебе тёплый комок, в зародыше два крыла.
Выкуй мне птицу.
Пусть будут перья её тонкие, как ножи,
Сердце точное, как радар».
Птенец огляделся — чуёт, ему не жить:
Меха, наковальня, жар.

И пока горел синий огонь, проедая дыры в снегу,
Пока металл истончался в нить,
Птенец онемел и оглох: ни гугу-гугу,
Ни фьюить-фьюить.
Если б ни вера девушки в Кузнеца,
Ей бы не выдержать этой ломки.
Пробовать новый голос выйдет она с крыльца,
Невесёлый, негромкий.
И распрямляет птица, закованная в металл,
Крылья широкие, лёгкие, словно чудо.
Сможешь ли долететь, куда никто не летал?
Сможешь ли унести меня далеко отсюда?

Гадания

А на Васильевский девушки заперлись в избе
Закидывать удочки, говорить судьбе:
Я тебя знаю, ёлочный огонёк, зимняя муха.
Судьба наказывает просто так, одаривает ни за что,
Есть время собраться с духом,
Пока несут решето.

Если выпадет хлеб — будет и дом, и хлев,
И сундук, и жар в печи, на шкафу — виноград и лев.
Выйдет кольцо — под подушкой шкатулка, в шкатулке — желанье:
В тёплой шубе в самый белый сугроб!
Девушки замерли в ожиданье.
Выпадет крест — значит, гроб.

Пока несут решето, есть время примерить любую долю.
Пока не сбылось ничто, наговориться вволю.
Печина — к печали: в голову, в печень — грусть и заботу.
Повернись ко мне, решето, лицом, кольцом и сердечным дном!
Судьба накатывает просто так, как утренняя зевота,
Валит с ног вещим сном.

Хоровод

А у старого за спиной заплечные города,
За душой семицветная башня, там потайные двери
В золотое царство, леший знает куда —
Человеку про то неведомо, остаётся на слово верить.

А молодой гибок, что ивовый прут, мягок, что лис.
У него глаза словно камни, губы — ножи.
Он боится сказать очевидное, голос уходит вниз,
Отплясывает фигуры, выделяет виражи.

А девица думает: я не хочу выбирать сама,
Кому я сегодня бела-хороша, кому лучше всех?
Чтение по кругу, научный спор, запредельные терема —
Та же игра-хоровод. И ток по рукам — словно скрытый смех.

Называй, царевич, кто тебе в этом круге мил!
Кланяйся ниже, здоровайся крепче, слава вам и почёт.
Хочется отплясаться до полной потери сил.
Главное, вовремя разойтись и обнулить счёт.

Ряженые

Под шумок, под гам, под святочную гармошку
Открывайте двери и сундуки без обмана.
Заначки и сласти высыпайте детям в карманы,
А у кого нет карманов — тому в ладошки.
Отстегните от милостей этого года:
Недаром он таким ласковым уродился.
Полны руки соседскому мальчику, пасынку счетовода,
А что выронит по дороге — чёрту, которым он нарядился,
Чтобы так же судьба бросала свои излишки-конфетки,
Чтобы будущий год мы в доброй удаче жили.
А с утра — лучше дверь, вмёрзшая в лёд, и еловые ветки,
Чем то, что на самом деле мы заслужили.

Сотрудники

У Никодима были сотрудники,
Всё-то за него делали.
Огород — ни травинки, ни прутика,
Вся изба от мытья белая.
Ненароком заглянешь домой —
В доме всё кипит от работы,
Ходит будто само собой.
(Что хорошего, сплюнь, да что ты!)
Подопрёт спиною забор,
Хлеба им наломает в крошку —
А они все как на подбор,
Те сотрудники, ростом с кошку.
В сапогах и в рубашках синих,
Что солдаты иль гимназисты.
Ну а мордочки-то крысиные,
Рожки маленькие, неказистые.
Уж как он их отдать хотел,
Соберёт, завяжет в тряпицу:
«На, бери!» Из-за этих дел
С ним никто и не стал водиться.
Так и помер совсем один.
На дороге нашёл прохожий:
Посинел, лежит Никодим,
Только ходят бугры под кожей.
Пригляделся — Господи свят! —
Гимназисты-те влезли в тело
И грызут его, шевелят:
Дай нам дело, дело нам, дело...

Случай

Не, не буду, даже не вспоминай.
И пришла тебе при чужих охота!
Этот случай был — мой отец Ермолай
(Ермолаевна я) шёл домой с работы.
А у них собрание к посевной,
А в деревне пиво варили. К ночи
У него было выпито. Был хмельной.
Но вообще-то не пьющий он был, не очень.

Шли и видят: баба спит у реки,
Под кустами, подол задрался. Ну вот,
Стали подбивать его мужики:
«А поставь-ка ей печать на живот!
Пропечатай её».

Председателем был
Мой отец и печатку носил с собой.
Ну, поставил печать ей и позабыл.
А наутро ему: «Пришли за тобой.
Ну документ нашёл, ну билютень!
Полномочий превышенье, если проще».

Он не стал дожидаться, а взял ремень
И вон там удавился в осинової роще.
Научил его бес-от, подговорил.
Бес захочет — сладит, как ни старайся...

А никто и не знал: сосед пошутил,
Мол, пришли за тобой, давай собирайся.

Встреча птиц

Ласточки, милушки-ти прилетели. Выйду —
скворушки прилетят, на проводах: «И-и-и».
Выйду да и поздороваюсь. «А я ведь дожила,
слава Богу» — им и похвастаю.

Записано в д. Исаево Вологодской области

Милушки мои прилетели!
Ангелы в крылах, в головах Спас.
Выйду, похвастаюсь: «В самом деле,
Дожила до весны, до вас!»

Скворушки мои, осенью далече
Улетают в Ирий они.
Выйду попрощаться: «Бог вам навстречу».
И опять мы одни.

Мы — рукой, они нам крыльцем помашут.
А вернутся — всё легче пойдут дела.
Вот и дожила до хорошей нашей
Жизни нынешней. Да жизнь-то прошла.

Сухота

Я знаю, что нужно делать.
Посыпать голову конопляными семечками и грызть их.
Он спросит: «Что ты делаешь?» Ответу: «Вшей ем».
Он поймёт, что я догадалась.

Он входит в рубахе белой.
«Прости, что поздно. Неузнаваемые дороги, тропочки рысьи.
Но с тех пор как мы встретились — почти стал слеп, нем
И в ногах такая усталость.

Иди ко мне. Только не поворачивайся спиной.
Иди за мной».

Подходит. Обнимает за поясницу,
Смеётся: «Что ты делаешь? Какая странная, забавно даже,
Разве вшей едят?»
«А разве мёртвые к живым ходят?»

Глазных два туманных озера, птицы,
Выпь, камыш. «Как так мёртвые? — теряет улыбку. — Да у тебя же
Хвост, дрянной наряд.
А я живой, не жалуясь вроде.

Хоть ты меня утатишь на дно,
Мне всё равно».

«Им виднее,
Мне сказали, что ты задушишь,
Тоска ест
Неизжитая».

Он бледнеет:
«Ну что ж, раз ты всех их слушаешь...»
Кладёт крест.
И выцветает.

Двери, лавка — всё становится видно через него.
Я хватаю его за плечи, в руках нет ничего.

Баенка

Бабушка говорит: «Во-имя-отца-и-сына-и-святого-духа-аминь,
Расти-большая-хорошая-и-чтобы-не-было-ничего».
Баенка плывёт по земле сквозь череду и полынь
Мимо рыжих кур, коров, провожатых странствия моего.

Бабушка говорит: «Будешь теперь мне дочка» — и трёт
Спинку во имя Отца и Сына натруженными руками.
С первого взгляда первого встречного кто разберёт,
Со всеми его оврагами и сквозняками.

«Будешь мне дочка, Лена... — ...и не было ничего...»
Баенка та остаётся со мной на внутреннем поле
Среди некошенных трав времени моего,
Горячего душа, чувства вины, ароматной соли.

«...ни страхов, ни переполохов». Стою на границе мира,
Упираюсь руками в эмалированный таз.
Как многого мы боимся в своих уютных квартирах,
Как много работали те, кто жили до нас

В суровых домах. Сосны качают кроны.
Бабушка смотрит мне вслед и крестит издалека.
И я забираю душу её в коробочку диктофона,
А свою оставляю в баенке бабочкой у потолка.

Надписи на прялках

Прялка (или пряслица, как называют на Вологодчине) сопровождала женщину всю жизнь, дарилась в знак ухаживания, передавалась по наследству. Часто мужчины вырезали и расписывали прялки для своих любимых. Надписи на прялках — это имя мастера, имя владелицы и дата. И те написаны с сокращениями, в виде инициалов, иногда — цифровых или буквенных анаграмм. За надписью — чья-то личная история, бытовое творчество мужчины, вырезавшего прялку, жизнь женщины, прошедшая бок о бок с её двойником в мире вещей. Эти стихи — попытка, вживаясь в имена и скупые знаки, вычитанные на прялках, достроить смыслы, вкладываемые в эти надписи.

1

ОТ ПЕСТЕРЕВА ЖЕНЕ ОЛЬГЕ

на долгий лён
неленный год
пологий дол
на сладкий мёд
и долгий род

4

Х
(крестик)

хвоя
хорошая защита от
зайцев яблони гры-
зущих
мышей в щелях зи-
мующих
душ с кладбища и-
дущих
у них пяточки как
у двухмесячного младенца
они могут уколоться
о еловые ветки

5

О
(круг)

О
фото в овале
П
о
ртрет на стене
В
сутнем углу
О
кошка в мир
М
ёртвых

ДИНЕ ГРИГ. ТАТ. ОТ БО

дожди (сь)
 (не) от реки (сь)
 не бо (йся)
 (заб) в (ения)
 (вы) цвет (ания)
 (в миг про) лета (ет)
 (ж) и (знь)
 (ос) таёт (ся)
 (при) знание
 (пре) лес (ть моя)
 дорога (я)

далее нечитаемо

СИЯ ПРА ОТ МАСТЕРА АНДРЕЯ МАТЕРИ ВЕРЕ

дома
 водой
 изозераумываться
 землю
 рукамивозделывать
 ногамиисхаживать
 огонь
 деревьямикормить
 назаслонкузапирать
 воздух
 ложкамиесть

ГУЛЕЧКЕ

лягушка перескочила дорогу
 значит за ней
 искать огоньки в чаще
     родник в почве
     звезду в тучах
 сердце стучит чаще
     держи крепче
     смотри лучше
 крылья теней
 бабочка пролетает счастье тревога

КОГО ЛЮБЛЮ ТОГО ДАРИЮ

ДАРЬЯ

глаза две птицы
 губы река

РАДОСТЬ

пусть нам простится
 не на века

ДАРОМ

что кроме тумана
 и нет ничего

РЯДОМ

<с милым> будь талисманом
 храни его

ТАТЬЯНЕ НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ

ТА-ет
 ТЬ-ма
 Я-снеет
 НЕ-бо
 НА-до
 ДО-м оставить но тебя
 БРУ-сничка
 Ю-ность
 П-омнить буду
 АМ-улет надену
 Я-
 ТЬ-юшенька моя

ОТ ИВАНА АННЕ

Ангел лег на
 Небо колоколеН.
 На дон, но даН
 Аккорд рокА:
 АннА, АннА...
 Начала чаН,
 Нот нежен тоН.
 А ты раскрытА,
 Аня — тайнА.
 Но взора звоН
 На думу даН.
 Ах, и ты тихА...

А. Г. Р. = Д. К. Щ.

шары газа
 в пространстве
 неба огромного
 летящие
 видны нам
 как уколы иглы
 как цветы укропа
 звёздная мелочь
 в щедрой руке

ДОЧЕРИ СВЕТЛАНЕ

небо
 прялки
 и высь
 и весь
 набор
 жильцов
 небес
 и Хорс
 и месяц
 и яски
 ЗЕМЛЯ ПРЯЛКИ КРЕП-КА
 ЧТОБЫ НЕСТИ ЧЕЛОВЕ-КА

ГАЛИНЕ ВЛАДИМИРОВНЕ Д.

галочка
галка
гала

уголок
уголёк
огонёк

нега
не гаснет
светла

глину
пламень
обжѣг

ЕЛЕНЕ ОТ ФЁДОРА

ленок цветом синь
светла неба синь
весна зелена
олѣнка вольна
летит по земле
в добре и во зле
готовит кужель
ледок и капель

ИР. 21 ИЮЛ. М. А. ПЕСТ.

ИРИНА
 ОТРИНЬ
 СИНЬ
 ИРИНА
 ПРИМИ
 МИР
 ИМЕНИ ОРИЕНТИР
 С НАМИ КУДА
 НИ
 КИНЬ
 В ИРИЙ ДВЕРИ
 ПТИЦЫ И ЗВЕРИ

ГЕ|нриет|ТЕ ОТ ар|СЕНИ|я

БА|шня и глы|БА
 ЗНА|к воссия|ЕТ
 ДЕ|рево бе|ЛО
 ДЕ|вушка в бе|ЛОМ
 ДЕ|нь деньской ни|ТИ
 С НЕ|гой сплета|Ю
 ПТИ|цами но|ЧКИ
 ОК|руже|НА
 КУ|ст мандраго|РЫ
 |Индрика зверя|
 КО|рмит с ладо|НИ
 ГЕ|нриет|ТА
 ДО|стопочти|МА

М. М.

Маша
 чашечку чая ломтик луны
 Мария
 из рук твоих радость и горе
 Маня
 мани меня меняя мир
 Мари
 на всех языках

NUNC ET IN HORA MORTIS NOSTRAE

ЕВГЕНИИ

Движение, кружение
 Велосипедного колеса,
 Хлёсткой крапивы жжение,
 Ежевика — стриж — небеса.

Верхний листок дерева
 Выплясывает на ветру.
 Корня логово зверево,
 Ветки птиц поутру.

Дразнится жизнь и светится:
 Разгонись, догоняй!
 Облачко, лист, наездница
 Металлического коня.

Прямая вода

* * *

Просыпаешься — сердце ухает до земного ядра,
А потом поднимается, медленно, по ступеням.
Это как возвращаться в новую жизнь с утра,
Плача на электрический свет своего рожденья.

А в секунду рожденья приснится прошлая жизнь.
Все надежды вчерашние... Несбыточное сбылось!
Свет алеет сквозь веки, словно сквозь витражи.
Просыпайся, вставай, лежебока. Ну, как спалось?

* * *

Я не могу выстроить замок, начиная с южной стены:
Станет тепло, потянутся косяком перелётные сны.
Летовать, где тебе не рады, — скверный маршрут.
Увидев преграду, они свернут.

А на севере, откуда родом четверть моей души,
На цветах особые мыши пересвистываются в тиши.
У них горлышки соловьёв, у них крылышки на спине.
Их и так-то почти не слышно, а через стену — и вовсе не.

И ежеутренне стороны света грозят друг другу войной,
И каждая меня приглашает к своей чудной стране,
Берёт в крайние жители, хотя бы с одной стеной.
Но у меня нет ничего и я не вижу смысла в войне.

А вчера жираф с востока сказал, что он бы пришёл
Жить в мой дом, но не в чистое поле, открытое всем ветрам.
Куда можно поставить диван, да тот же письменный стол
В комнате из панорам?

Вот я и ворочаю камни, ношу кирпичи, известковый шпат
В честь его рыжих пятен — каждое в форме материка.
Я б закрыла витражными окнами запад, но как же тогда закат?
Ушла бы в пещеру, но мир так манит издалека.

* * *

Акация потрескивает на жаре,
Ещё немного — и разгорится.
Прикроешь глаза — отсветы на коре.
Ницца, Рица и прочие небылицы.

Кора тверда, а под ней в глубине ствола
Влажная жизнь, торопится сок древесный.
Как же долго я без тебя жила!
Как он сушит неистово, жар небесный.

Вот и летуем, кожей пьем летний зной.
Бросаемся днями, дни бросаются нами.
Акация трещит над сухой землей,
Посыпая её напрасными семенами.

Байкал

*Александру Павловичу
Тимофеевскому*

Божества столичных полей
Здесь не ловятся. Нет сети.
Останавливайся смелей.
Эту воду не перейти.
Рыбный рынок и магазин,
Шумно смаргивают объективы —
Ты стоишь один на один
С вековой водой терпеливой.
Точно здесь никого и нет,
Это зеркало не нарушишь
Мелким говором. Серый свет.
У меня заложило уши.
Точно кто-то в ладони сжал,
Так подкравшийся старый друг
Закрывает глаза: «Поймал,
Узнаёшь ли то, что вокруг?
Узнаёшь ли, помнишь ли имя?»
Горизонт, прямая вода —
Как могу их считать своими?
Не была я здесь никогда.
Воздух пью сухими глотками.
Нетерпенье, жажду и даль
Поглощает огромный камень —
Этот жидкий горный хрусталь.

* * *

Хочется спать на закате, закидывать голову вместе с солнцем за горизонт. Она покатится вниз, как тряпочный мяч, бесшумно, а с той стороны Земли живут весёлые незнакомцы, они бегают вверх ногами, играют в «думно-бездумно».

А тебе говорят: не спи на закате, устанешь, не сможешь работать. Вот и пялишься в текст, не спать до времени до поры, составляя слова в предложения, — это одна забота. А на той стороне скучают подземники без мячика для игры.

* * *

Что ни придёт на ум, когда ты идёшь сама
По городу без собаки — сама себе человек.
Видишь, как просто: взглядом держись за дома.
Справа барокко, восемнадцатый век.

Слева машины спят, уткнувшись носом в бордюр,
Так засыпали щенки её в ряд, уткнувшись в тёплый живот.
Похоронили её в июне, и в мире начался сюр:
В нём ремонт мироздания, в нём никто не живёт.

* * *

Строишь жизнь, будто космический аппарат:
Проверяешь формулы, надеешься улететь.
На двери старого дома поспел резной виноград.
Переспел, опал. Дом собрался гореть.

Ты собралась взростеть на будущий год.
Но всё-таки надеешься на спасенье.
В твоём понимании дружба — это второй пилот.
В пониманье подруги — кофе по воскресеньям.

Подруга сама строила плот, хотела уплыть,
Плот превратился в комнату и требует евроремонта.
На окне зелёный паук прядёт золотую нить,
Город заносит сиреневым снегом до самого горизонта.

Триптих от весенней головной боли

1

Чайный компресс и рваные сны.
Главное, за ночь главу закончить.
Чаянье — лес в преддверье весны,
Гласные птиц за окном, колокольчик...
Часто стучит вода, слишком час
В череп фарфоровой глазировки.
Не открывай пересохших глаз.
Гладь заоконья, темь маскировки.
Видно: кусты и баки — схитри —
Серая цепь леса земного.
Не подходи к окну: всё внутри,
С той стороны шара глазного.

2

Солнце золу свою
Грузит во все корабли,
Что сберегла гроза.

Сердце в пылу, в бою.
На торжество смотри:
Даль зажгла бирюза.

Целую твои глаза.

А поутру рыбаки
Клад достают со дна.
Чудище берегло.

На ветру брызги легки.
Вода из стекла — в слюду.
Волна лечит весло.

Руки кладу на лоб.

3

Снег сжимается в лёд.
Лёд болит.
Лёд болит, когда тает.
Вода
Долго стоит
В камнях.
Время в землю уходит, скрывается.
Земля болит, когда, разрывая зёрна,
Растёт трава.
Голова. Потерпи,
Милый!
В степи
Трава набирает силы.
Звуки в слова
Срастаются крепче дёрна.
Время тюльпанами раскрывается.
Земля —
Холщовая скатерть.
Проходит вода —
Смеётся, небо смеётся,
Луг расцветает.
Свет пустился в полёт.

* * *

Вот появляются ихние, их тьмы и тьмы.
На них печать вековой зимы,
Лиловая шерсть дыбом встаёт на холке,
Их глаза сужаются в щёлки,
Над головами встают дымы.

Но у наших тоже есть крылья, ноги, хвосты,
Их тела прекрасны, слова просты, души чисты,
Под сердцем звенит колокольчик из неземного металла.
И, когда исход сраженья решён, когда всё пропало,
Они могут атаковать с высоты.

* * *

Вспоминали Шерри, как к нему приходили в дом.
И я с ним болтала на кухне, пока взрослые о своём.

У него для эрделя редкий шёлковый чайный цвет.
Уж ни Шерри, ни дяди Жени на свете нет.

А ещё была кошка Вася, тоже старше меня.
Говорил мне мастер в ремонте часов третьего дня:

Ведь кошачий бог добрей, чем собачий бог,
Отмеряет подольше им жизненный срок.

Мне сегодня тяжёлый кот привиделся поутру.
Я его спросила, к худу или к добру.

Он не отвечает, значит, не домовой.
Только лёг на щёку мохнатою головой,

Туловищем в подушку вдавливают плечо
И мурлычит в шею, громко и горячо.

Дорогие мои, кареглазая и зеленоглазая рать,
Где вы бродите, в каких перелесках? Как вас мне поминать?

* * *

Снова новая жизнь — и как только мне не лень? —
Катаю орешек между ладоней — всё начинать с нуля.
В орешке — молочной спелости летний день.
Одна ладонь — небо. Другая, значит, земля.

Августовские дни прячутся в листьях, растут из грибниц.
Я хожу в перелески по силы и по идеи.
Только скоро покину стан вольноруких птиц,
Потому что близко сентябрь, сентябрь всего труднее.

На рабочую зиму прибираю письменный стол,
Составляю план, отсекаю лишнее, ставлю крестики на руках.
Подбрасываю орешек: решка или орёл?
Он зависает в воздухе, распускается деревом в облаках.

Содержание

Дмитрий Веденяпин. Снова новая жизнь... 3

Записки странствующего фольклориста

Росписи	7
Волки	8
Быличка	9
Горюшица	10
Колыбельная	12
Полудница	13
Леший	14
Наигрыш	15
Закличка	16
Гадания	18
Хоровод	19
Ряженные	20
Сотрудники	21
Случай	22
Встреча птиц	23
Сухота	24
Баенка	26
Надписи на прялках	27

Прямая вода

«Просыпаешься — сердце ухает до земного ядра...»	39
«Я не могу выстроить замок, начиная с южной стены...»	40
«Акация потрескивает на жаре...»	41
Байкал	42
«Хочется спать на закате...»	43
«Что не придёт на ум, когда ты идёшь сама...»	44
«Строишь жизнь, будто космический аппарат...»	45
Триптих от весенней головной боли	46
«Вот появляются ихние, их тьмы и тьмы...»	48
«Вспоминали Шерри, как к нему приходили в дом...»	49
«Снова новая жизнь — и как только мне не лень?...»	50

Лета Югай. Забыть-река

редактор: А. Переверзин

художник: С. Труханов

корректор, технический редактор: О. Тузова

В оформлении обложки использованы работы Александра Пестерева.

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Отпечатано в типографии издательства «Пробел–2000»

тел.: (495) 287-0619; e-mail: probel-2000@mail.ru

Подписано в печать 10.03.2015.

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 3,25

Тираж 500 экз.

У стихов Леты Югай много достоинств, в частности чуткая (поэтически чуткая) работа с фольклором и чудным вологодским говором, неожиданно выводящая её к оригинальной версии минимализма. Но мне ещё дороже те стихи Югай, где слова складываются только по зову дыхания, словно сами собой – легко и стремительно:

Солнце золу свою
Грузит во все корабли
Что сберегла гроза.

Михаил Айзенберг

Лета Югай растит свой поэтический миф из северорусского фольклорного корня, бережно прививая к нему текучие ощущения окружающей жизни. Её стихи оплавлены горячим состраданием и любовью ко всему жившему, живущему и будущему жить на земле. И в этом – надежда нашей поэзии.

Ирина Ермакова